

Рецензии

М.С. Рыбина

КОД САТИРИКА

(Рецензия на книгу: *Довгий О.*

«Развернуть старика...»: Сатиры Кантемира как код русской поэзии: Опыт микрофилологического анализа. М.: Изд-во Кулагиной, 2012. 436 с.)

Тем, кто не связан по роду своих профессиональных занятий с русской литературой XVIII в., Антиох Дмитриевич Кантемир если и знаком, то скорее по имени, чем своими произведениями. Он остается фигурой малоисследованной, почти маргинальной. Уже этот факт заставляет отнестись с интересом и вниманием к монографии О.Л. Довгий, которая предлагает увидеть в сатирах Кантемира не «лавку древностей», а своего рода «геном» последующей русской поэзии от Пушкина до Высоцкого.

Однако книга любопытна не только стремлением по-новому взглянуть на ландшафт отечественной словесности и наметить на ее воображаемой карте неучтенные утесы и водопады. Не меньшее значение имеет, на наш взгляд, сама методика анализа, направленная, с одной стороны, на выделение и классификацию базовых элементов (мотивов, устойчивых словесных формул, атрибутов), а с другой – на определение закономерностей их сочетания. Основные векторы в ней – лингвистика и риторика с прицелом на язык эпохи (эмблемы, репертуар персонажей, отчасти историко-культурный комментарий). Итак, автора занимает, главным образом, проблема соотношения тематического репертуара и его словесного воплощения/выражения.

Но здесь и возникает интрига: «словесные формулы» (согласно терминологии О. Довгий, модальность на уровне «КАК», С. 45)

имеют собственную «память», ассоциативный шлейф и вариативность, не теряя при этом способности оставаться узнаваемыми в текстах, удаленных друг от друга в пространственном и временном отношении. Получив свободу от внутритекстовых связей и авторской воли, элементы разных уровней начинают автономное движение по извилистым траекториям соответствий. Иными словами, описание текста на уровне «КАК» чревато разного рода ответвлениями с последующим возвращением на исходные позиции. Эти вихревые движения заставляют вновь задуматься о принципах отбора и систематизации обнаруженных «частиц», будь то деталь, рифма, шифтер или что-то еще.

Если судить по композиции монографии, то обилие разделов, параграфов, подпунктов, развертывающихся в ряде случаев в более или менее пространственные словарные статьи, оставляет впечатление некоторой аморфности, словно бы и сама книга превращается в кладовую, путешествие по которой чем-то напоминает поиски Св. Грааля («пойди туда – не знаю куда»). Так, например, не совсем понятно, почему часть персонажей образует самостоятельный раздел «Мифология» (С. 361–363), а не входит в соответствующую главу «Персонажи» (С. 257–336); «искус» (С. 173–176) представлен как отдельная категория, сопоставимая с «природой», «пространством», «временем», и на этом же уровне структуры располагаются эмблематика, фонетические жесты и отдельные поэтологические топосы (в частности, «поэт и поэзия». С. 336–356) или на равных сосуществуют «фигуры» и «риторика», хотя логично было бы предположить первое разделом второго. К сожалению, многие «почему» и «зачем» так и остаются риторическими вопросами.

И все же эти частные сомнения в точности рубрикации не отменяют главного, а именно идеи составления «путеводителя» по корпусу сатир Кантемира. Подход, избранный автором (или подсказанный материалом?), извилист и прихотлив, но движение по нему, безусловно, обогатит «путешественника» не только новыми знаниями (по самым разнообразным вопросам от политики и морского дела до кулинаруии), но и приблизит к пониманию нескольких операций, лежащих в основе многочисленных сочетаний предметов-слов: «Схематически все многообразие жизни, описанной в сатирах, можно свести к четырем основным комбинаторным операциям, являющимся стержнем миропорядка (прибавление, убавление, замена, перестановка)» (С. 12).

Эта риторическая стратегия представляется совершенно естественной, настолько привычно она сочетается в нашем сознании с поэзией XVIII в. Но сразу уточним, что автор не ограничивается

общими декларациями о «риторической эпохе» с демонстрацией отдельных «понравившихся» приемов и фигур, а решается на обзор всей риторической системы от инвенции (упоминавшиеся уже топосы) до элокуции, включая в нее «фонетические жесты» (С. 386) и «зеркало рифмы» (С. 57, 388–407).

О. Довгий называет свои наблюдения «филологическими безделками», увлекая читателя в лабиринт находок, калейдоскоп возможных сочетаний и проекций (например, «зеркало рифмы» и/или «кулинарная метафора» (С. 367): «сердцем/перцем» у Кантемира и Шершеневича, «кушать/слушать» Кантемир, Сумароков, Пушкин. С. 394; или метафора веревки/канатоходца у Кантемира и Высоцкого. С. 45). Игра идет по определенным правилам, иначе какая же это игра, но может быть прервана в любой момент, как, впрочем, и продолжена с любого места. В легкости и подвижности, возможно, состоит обаяние этой не вполне традиционной книги, предлагающей читателю возможность и самому немного побыть творцом.